

Власть казакам определенно недоверяла и держала их в резерве. Прождав 2 дня — полк и батарея, самовольно погрузившись в вагоны, вернулись обратно в Кавказскую.

В тот же день от Одарюка получен грозный ультиматум: „В 24 часа казакам сдать оружие, а нет — вышлетя отряд и бронники“.

Тон был слишком определенный, что-бы его не учесть. Казаки почувствовали, что с ними уже не шутят. События же в станицах сами по себе говорили, о предстоящей кровавой развязке.

В Темижбекской, Успенской, Новопокровской и Архангельской станицах произошли насилия, грабежи и аресты уважаемых стариков какими-то карательными отрядами из солдат. Неслыханное дело, что в станицах казаки не хозяева своих станиц, — сделало спос. Голос обиды и возмущения всколыхнул всех. Зная скопление фронтовых казаков в Кавказской, пострадавшие станицы негласно прислали своих гонцов, прося помощи и защиты. В этот момент ультиматум Одарюка и сыграл роль поджигателя горючего вещества.

В крепости толпы казаков. Об ультиматуме из них никто еще не знал. Но общее, грозно-молчаливое настроение царило всюду. Среди толпы бросались в глаза длинные седые бороды стариков-кавказцев и многих офицеров, ранее никогда не присутствовавших в крепости. Тяжелое молчание давило всех, а взгляд... взгляд выражал вызов, решение...

При мертвой тишине, командир полка под-есаул Б-в прочитал ультиматум. Легкая пауза по прочтении, все в той же страшной тишине...

„Так как-же поступим?“ нарушил молчание командир. Этого вопроса словно ждали.

Рев, зверинный рев многосотенной толпы был лучшим выразителем их душ.

„Не сдава-ать!!! Не сдадим!!! Давай сюда Одарюка!!!“

И среди буйной, порывистой молодежи, послышались всхлипывания стариков — радостные, призывающие...

„... Де-еточки... по-од-держите... давно бы так...“

Женские слезы?!. что стоят женские слезы, в сравнении со слезами война-казака! — им грош цена. Не верите? — дело заше! но — тогда разрядилась вся толпа... Момент был страшный.

Пропасть, искусственно создаваемая между двумя поколениями, стихийным движением души сожмулась своими берегами и на ее месте выросла могучая фигура казака-воина: свободолюбивая и грозная, каковым родила его мать-казачка и каковым воспитал его своеобразный край родной, казачий...

Слезы разрядили и побратали всех. Тут-же гонцы от станиц открыто выступили с просьбой о помощи. Тяжелое положение было в станице Темижбекской, медлить было нельзя.

„Кавказ*) по дома-ам!.. всем собраться верхом-ми у новой староверской церкви... и на Темижбек!!! бросает в толпу станичникам под-есаул Е., и, подмеченный полным сочувствием, торопится домой, к строевому коню.

По красной улице, с тремя сотенными значками в группе Темижбекцев, несетя он к восточной окраине станицы. Впоруженные, всегда удалые Темижбекцы, боевые колышущиеся значки, пляшущие застоявшиеся копы, вызывающий взгляд седоков, нервно-торопливая скачка кавказцев к сборному пункту — все это избу-доржало станицу, ничего не знающую о случившемся.

*) Так называют казаков станицы Кавказской ближайших станиц.

(Окончание следует).

Шамба Балликов.

Сезонное убеждение.

В Пражских казачьих эмигрантских кругах вот уж несколько лет вращается донской полковник Григорий Чапчиков. В недалеком прошлом он известен донцам как храбрый командир Калединского полка, хороший боевой товарищ, наизбрал со всеми казаками. Его политическое credo тогда не было известно казачьей массе. В Праге он зарекомендовал себя политически как крайний монархист, жаждущий и заискивающий „Императорской России“, видящего спасение Казачества под императорской короной. Не проходит почти ни одного собрания в Праге, где бы он не выступил с проповедью своей политической веры, где он своей внешней манерой и несерьезностью давно уже приучил пражскую публику относиться ко всем его выступлениям с улыбкой, с иронией...

Тем не менее он с энергией, достойной лучшей участи, выполнял „политический заказ“ своего начальства и на меня лично производил впечатление цельной личности, убежденного человека, фанатически преданного монархической идее.

Вот почему и его последнее выступление на собрании казачьих студентов Пражского района, где он надрывно взывал к „русскому чувству“ присутствующих, призывал всех к „верности идее Великой Национальной России“, настойчиво добивался исключения „иностранцев — вольных казаков“ из состава Общеказачьей Студенческой Станицы, в результате чего он сам со своими немногочисленными сторонниками, оставшись в меньшинстве, вынужден был покинуть собрание, — все это меня совершенно не удивило.

Что-же, — думал я, — это его выступление — логическое следствие его убеждения. Человек вырос на идее Императорской России, ею проникнула вся его природа и сердце. Цельной натуре переделывать себя трудно. И всякий другой человек на его месте сделал бы то же самое.

Но каково было мое удивление и разочарование, когда я случайно узнал, что внешнее убеждение Григория Чапчикова — убеждение „сезонное“. Что он не так давно был „убежденным“ демократом, а затем, о, ужас! подлинным самостийником.

Случайно я наткнулся на стенографический отчет I-го съезда „Союза Возрождения Казачества“ происходившего в мае 1921 г. в Константинополе. Из этого отчета видно, что полковник Чапчиков („Командир Калединского полка“, — т. ч. ошибки быть не может) в мае 1921 г. состоял членом этого республиканско-демократического казачьего союза и на первом его съезде принимал активное участие, выступал с речами.

В этих речах указывал, что Союз „в протиповес активной работе монархистов должен усилит, свою пропаганду в казачьей среде“... Вызывал к осторожности, чтобы Союз не делал шагов, которые могли бы „лить воду на мельницу Врангеля“... Заклинал не верить в правым и левым русским, ибо „и те, и другие пользовались казаками лишь для достижения собственных целей. Казаки же платились за это потоками крови и разорением родных краев. На первом плане должны стоять собственные (казачьи) цели, к достижению которых нужно стремиться с несокрушимым упорством и энергией. Мы должны помнить, что мы прежде всего казаки“...*)

Так верно и ярко, в немногих словах, выражал тогда всю казачью программу полковник Чапчиков, еще не зараженный всевозможными политическими

*) Стенографический отчет I-го Съезда Союза Возрождения Казачества, происходившего в мае 1921 года в Константинополе. Экземпляр этого отчета имеется в Редакции.

теориями, непосредственно общаясь с казаками, живя в гуще казачьей массы.

Времена меняются, меняются и люди.

Итак, Григорий Чапчиков, донской казак, в мае 1921 года в Константинополе был республиканцем-демократом. Но в мае следующего 1922 года в Румынии мы видим его уже настоящим самостоятельным, пишущим резкие статьи в самостоятельной газете „Голос Казачества“.

Недавно в мои руки попал комплект этой газеты и вот, перелистывая его, я наткнулся на статью Григория Чапчикова (№ 24 от 23 апреля 1922 года), а в № 25 — статью „Калединца“. (псевдоним Григория Чапчикова).

Чтобы не было сомнения в самостоятельности этой газеты, приведу кратко выраженную политическую ее цель: „Кубанская и Донская Республики — для блага и счастья своих народов, а не для служебной роли у Москвы“. И вот в этой газете Чапчиков в статье „Наша неудача“ так определяет политические причины наших несчастий: „Несчастнейший союз Казачества с Деникиным и Врангелем, неживые лозунги борьбы („Единая, неделимая“), ничего неговорящие казачьему сердцу и не поддержанные народом, грабежи, насилие, насаждение губернаторов, охранок, помещиков и т. п.“ — „Лозунг „единая, неделимая“ был чужд и непонятен Казачеству“, — За честь Дона и вольность казачьи“ — вот лозунги, воодушевлявшие казаков“. („Г. К.“, № 24).

Было, оказывается, время, когда командир полка Чапчиков отдавал приказ: „не место среди нас и тем, кто для защиты чести и имени отца-Атамана и Тихого Дона хоть на мгновение задумается рискнуть своей жизнью“ („Г. К.“, № 25).

Яркими красками описывает г. Чапчиков отношение к казакам со стороны „Главного Командования“ — „Ваньков“ (иногое эпитета для русских у него нет), все

бесцеремонно-издевательское обращение с казачьими полками уже в эмиграции, в результате чего казачьи полки вынуждены были расплыться.

„То, чего не смогли за три года разрушить коммунисты слева, за один месяц добились коммунисты справа. Ликует гвардия и с нею вся черная сотня — ненавистного, непокорного им Калединского полка нет... Но не злорадствуйте черные вороны: рассеяны, но живы еще калединцы...“ („Г. К.“, № 25).

Так не чернилами, а кровью казачьей писал Григорий Чапчиков о печальной доле казаков. Всего этого его писания я не знал и теперь, узнав, был глубоко поражен происшедшим в нем изменением.

Какая ирония судьбы. Поучительная картина. Свободный, вольный казак добровольно входит в ту семью, которую сам же назвал „стаей черных воронов“. Чапчиков 1929 года предаст анафеме, требует исключения из казачьей семьи Чапчикова 1922 года.

Чапчиков 1922 года, заканчивая свою статью, призывает казаков: „Дружно за работу все молодое, энергичное, смелое, все лучшее, способнейшее и любящее Казачество! Вперед за Казачество и за вольность!“ А Чапчиков 1929-го года зовет казаков на борьбу за „стан черных воронов“, за корону императорскую!

Что это — смерть казачьего чутя, вырождение казачьей души и сила отрыва от казачьей массы Казачества, или просто постоянно, как шкурка хамелеона, меняющийся безпринципный карьеризм или пресловутый практический нюх, рвачество, „реализм“ нашего времени?

Или просто „сезонное“ убеждение?

Не станем утверждать то или другое. Но только искренно жаль, что для меня становится меньше личным человеком, имеющим убеждение.

ДУМЫ И МЫСЛИ.

До братів козаків.

Тяжелая это и „неблагодарная“ вещь — делать что-либо, что не отвечает настроению большинства. „Безумцам“ иногда и удается свернуть шею „общеривному“ расценивавшемуся доголе „благоразумным“ большинством, как нечто абсолютное „его же не преидеши“. Чаше „установленное“ сворачивает шею „безумцам“.

Редки случаи, когда человек (не в собирательном смысле), осмелившийся увидеть то, что другие не видели (чаще не хотели видеть), отделяется легко. Обыкновенно его „обезвреживают“.

Но, если открытие новых истин, или очищение от мусора условностей старых, требующее „жертв испупительных“, является прерогативой „безумно-храбрых“ или гениев, то выявление своего лица таким, каково оно есть в действительности — не есть монопольное право ни первых, ни вторых.

Для того, чтобы сказать кто ты и что ты, не обязательно быть ни „гением“, ни „безумно-храбрым“. Не обязательно и „дипломы“, „известности“, „общезвестности“, „высокоавторитетности“ и т. д. и т. п.

И все-же мы, казаки, за всю свою историю, даже в „русской истории“ квалифицировавшиеся, как нечто от русского народа отличное, все еще не решаемся, раз и навсегда, целым народом, сами сказать свое имя. А отзывается на всякое, каким нас заблагорассудится окрестить другим...

Много этих наших „имен“. Даже сами „работодатели“ наши не утверждали за нами одного, общего имени. Как правило, они „признают(?)“ нас, как что-то особое. Но что это — „что-то?“

Недавняя „анкета“ о Казачестве в этом отношении для нас особенно поучительна. А вывод и выход один:

Сами казакам сказать кто мы и что мы. Самим, раз и навсегда, разрубить гордиев узел — не-

желания „работодателей“ понять нас и нашего собственного самодумства.

И сделать это может каждый казак. И сделать это должен каждый казак. И чем скорее, тем лучше. Для самого же...

А пример есть. И пример хороший. Каждому казаку понятный. От сердца — сердцу сказанный. В той-же самой „Анкете“: первым нашим казаком Ф. А. Щербиню и „простым генералом“, казаком Кокунько.

А и вступать есть куда.. Да и куда бы казак вступал, если не в свои Вольно-Казачьи станицы?.. Нужно только поменьше (еще лучше никак!) обращать внимания на эпитеты и „ласковые слова“, которыми такого не „сделаго“ и даже не „осмелившегося“, но просто вольного казака награждают те, для кого вольность, а тем более казачья — дерзость неслыханная...

Ну, в самом деле, — что нам до того, что скажет княгиня Марья Алексеевна?..

Для кого наши головы — буйные головы; для кого — „скорбные“ головы, а для кого — „забубенные голыушки“... Ну и пусть их занимают антропометрическими измерениями вольно-казачьи головы! Для нас то, ведь важно лишь то, что наши головы — наши. Какие есть. А какие есть — знаем сами...

Сколько нас, казаков, в эмиграции?

— 10, 15, 20, тысяч?

А между этими десятью, пятнадцатью, двадцатью тысячами „политических эмигрантов?“.. Вот таких, что эмигрировали лишь потому, что их политические аппетиты не оказались по вкусу политическим аппетитам оставшихся?..

— 10, 15, 20?

А остальные? Разве остальные „эмигрировали“ не потому, только, что они казаки? И разве-же наш Великий исход можно назвать эмиграцией?..